

НА ТЕМЫ МОРАЛИ

СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ НИ ВИТЬСЯ...

Коммунисты Владивостокского госцирка, обсуждая на своем собрании поведение дирижера оркестра Б. А. Моклякова, постановили: за клеветнические анонимные письма исключить его из рядов КПСС.

ЧЛЕН ПАРТИИ, и вдруг — анонимки. Как же могло совместиться в его действиях и поступках, прямо скажем, несовместимое? Ведь партия своим уставом как раз обязывает каждого своего члена развивать критику и самокритику, смело вскрывать недостатки, добиваться их устранения. Но тогда зачем анонимки, псевдонимы типа «Варяг», «Проезжий», «Коммунист Г.»?

Безусловно, нередко случается, что побудительными мотивами к действию для авторов анонимных писем становятся нездоровая обстановка на местах, вольность, мягко говоря, иных руководителей в толковании своих прав и обязанностей и т. п. Время от времени подобные письма приходят и к нам в редакцию. Иногда они содержат факты, которые не вызывают сомнений. В таких случаях автора, если и можно упрекнуть, то, пожалуй, в недостатке гражданского мужества, но не обвинении в клевете.

Так, может быть, и Мокляковым двигало чувство правдоискателя, а псевдонимы, анонимки — всего лишь от робости характера? В таком случае, может быть, слишком суровым является наказание,

примененное к человеку, пытающемуся «вынести сор» за порог? Увы! В том-то и дело, что не критика содержалась в анонимках Моклякова, не стремление исправить недостатки, а наезды, брань и клевета.

И все же, нет, говорят, дыма без огня. Так, возможно, был все-таки огонь?

Что ж, давайте попытаемся разобраться. Но для этого придется обратиться к жизненному пути Моклякова.

Сегодня он уже и сам не говорит вразумительно о том, не устраивала ли его военная карьера вообще или продвижение по службе было слишком замедленным. Но, так или иначе, после окончания военного училища он недолго оставался на службе. Именно так исключили его из членов ВЛКСМ...

Жизнь, к счастью, не кончается на первых неудачах. Мало ли ошибок подстерегает человека на его жизненном пути, за которые порой приходится платить по очень высокому счету! Но сам уклад, образ нашей жизни дают возможность каждому, трезво оценив степень падения, искать новые пути самоутверждения. Не был лишен такой возможности и Мокляков.

На этот раз он решил посвятить себя музыке. Любительское увлечение сменилось учебой в Саратовском музыкальном училище. Потом — студент Саратовской государственной консерватории.

И уже в 1968 году Борис Антонович — сам преподаватель Ставропольского музыкально-го училища, а через четыре

года — заведующий кафедрой Хабаровского института культуры. Согласитесь, не многим удается столь стремительное продвижение по службе, если учесть, что в 1974 году он уже приглашается во Владивосток на должность проректора Дальневосточного института искусств. И — снова срыв: всего лишь через год его из института «попросили».

В чем дело? Если говорить попросту, то за склоки и клевету. Здесь им в ход пускалось все: попытки дискредитировать в глазах студентов авторитет ректора, сколачивание групп и группок, докладные по поводу и без повода (документы, кстати, весьма любопытные по стилю и оформлению) на сотрудников института, игнорирование распоряжений вышестоящих органов, клеветнические доносы в министерство...

Отнюдь не радение о благополучии дел руководило Мокляковым. Цель была иной: прежде всего убедить всех и вся в том, что руководитель института якобы недостаточно компетентен в вопросах организации учебного процесса и, следовательно, не может сплотить коллектив, наладить научную работу и т. д. А «попутно» в каждой строчке, а чаще — между строк многочисленных посланий Мокляков «доводил» до сведения министерства «сведения» о себе. Заимствуя чужие мысли и выдавая их за свои, прожектерствуя по пустяковым вопросам, он намекал, а то и прямо давал понять, что при-

ставка «про» в его титуле — излишество и он согласен быть просто ректором...

Следует признать, в своем «искусстве» Мокляков настолько преуспел, что институт стало лихорадить, одна комиссия сменяла другую, пока, наконец, не выяснилось, «кто есть кто»...

К сожалению, что греха таить, иногда бывают еще такие ситуации, когда иной проходец льет ушаты грязи на головы честных людей, а другие такие же честные и добросовестные работники обязаны по роду своих занятий долгими месяцами копаться в этих потоках: чего, казалось бы, проще: дать сразу по рукам, чтоб и охоты больше не возникало! Но клеветники хорошо знают, что в нашем обществе не отмахнутся от тревожных сигналов, а непременно прислушиваются, что доверие к человеку стало естественным, как воздух, которым дышим. В расчете на это и появляются на свет далеко не безобидные сочинения, в которых методом полуправды, домыслов и прозрачных намеков автор уязвляет сомнительные факты и фактики, так интерпретирует события, что получается видимость правды.

Однако как веревочка ни вьется... Словом, Мокляков оказался в должности дирижера Владивостокского госцирка. Всего за год разжалованный проректор дважды сменил состав циркового оркестра. Неудобных изживал милым его сердцу способом:

от обвинения в нарушениях, о которых те и не подозревали, до безапелляционных заключений о полном отсутствии у них музыкальных данных. Как-то он демонстративно сорвал шефский концерт оркестра в воинской части. Этот случай было вынуждено обсуждать партийное собрание. Ни один коммунист не поверил тогда в забывчивость Моклякова. Кстати, на этом собрании директор цирка зачитал докладные, написанные Мокляковым на своих подчиненных. Всем тогда было стыдно слушать эту стряпню, за которой проступало лицо человека лицемерного, мелкого, мстительного. Вспомнилось и замечание жены Моклякова (уехавшей с ребенком и оставившей ему одному трехкомнатную квартиру): «Вы еще с ним наплачетесь»...

Откуда же взялось все это? Известно, жизнь прожить — не поле перейти. Могут быть неудачи, можно столкнуться и с несправедливостью. И есть в нашей жизни множество путей и средств снова встать на ноги, отстоять правоту. Плохо, когда личная, пусть даже обоснованная, обида застилает глаза, и весь свет предстает мрачным. Еще хуже, как в случае с Мокляковым, если человек озлобляется на товарищей, на семью, на все общество только за то, что они отвергли его притязания на особые привилегии, не выделили его из «толпы», не сотворили из него идола.

...Исключили из комсомола.

«Попросили» из института. Ему и в голову не пришло, что виноват во всем прежде всего он сам, что действовал не лучшим образом и делал совсем не то. Он убежден: плохи все, кто его окружает, все, кто дал от ворот поворот. А если, несмотря на это, они живут и спокойно работают, значит, плохо то общество, что позволяет им жить спокойно.

Он даже разработал «теорию», согласно которой разделил всех наших земляков на две категории: «варяги» — это те, которые приехали в Приморье, «аборигены» — те, что родились и выросли здесь. Последние, вопиет Мокляков, заняли все «теплые места» и не дают ходу талантливым «варягам». Верно, досталось от Моклякова и «варягам», если они, в противовес ему, «обошли» местных и получили ответственные должности. В анонимках достаточно было и конкретных имен. Между прочим, среди них назывались и те, кто принимал в свое время самое активное участие в судьбе «проезжего», и сделал ему много доброго. Словом, имена были, но требовались еще и конкретные факты, «разоблачающие» людей. А фактов как раз и не находилось. И Мокляков заменял их догадками, — домыслами, просто клеветой. А коли входил в раж, на бумагу ложилась брань. Бумага, вопреки пословице, не все терпит, и привести эти «перлы» работника искусства просто невозможно...

Такова вкратце предыстория исключения из партии Моклякова. Случай сам по себе редкий, единственный в своем роде. Стоило ли о нем говорить? Подумалось — стоит! И вот почему.

Клеветник, анонимщик — далеко не безобидная фигура. Когда начинается расследование его «сигналов», это стоит нервов, настроения, а подчас и здоровья десяткам людей, и — хороших людей, что отдают себя делу. Пожалуй, многим из нас известны сердечные приступы и опущенные руки тех, кто добросовестно работал, но оказался бессильным против наветов. Массу ценного времени и сил тратят члены различных комиссий вокруг разбора злого творчества. Помимо того, клеветник, анонимщик не ограничивается порою писаниной. В кругу сослуживцев, знакомых, соседей, он нашептывает, наущивает, ссылаясь на пресловутые «говорящие!» И психологический феномен заключается в том, что подчас слух такой обрастает догадками, вырастая до размеров молвы к моменту, когда достигнет ушей адресата. Снова плата — нервы, здоровье, сниженная работоспособность.

Нет, нельзя в нашем обществе оставлять хороших людей в одиночестве перед подлостью анонимщика! Его можно и нужно ловить за руку и непременно — наказывать. Как это и случилось в истории с Мокляковым.

А. ПОНОМАРЕВ.